

В. Е. Баглай

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЛНЦАХ В ДРЕВНЕАЦТЕКСКОЙ МИФОЛОГИИ

Для воссоздания исторически достоверного облика древнеацтекского общества и его культуры большое значение имеет вопрос о характере господствующей в нем идеологии. Более детальное рассмотрение некоторых ее сторон и особенностей, возможно, позволит увидеть в этом раннеклассовом обществе и, в частности в его духовной жизни, нечто более сложное, чем обычно принято считать.

Идеология ацтекского общества, древнемексиканского мира настолько прочно ассоциируется с существовавшим в этом обществе кровавым культом, что мрачная тень последнего мешает усмотреть другие, не менее значительные и характерные моменты, которые по своей серьезности и важности не уступали главной военно-религиозной доктрине ацтеков, освящающей практику кровавых человеческих жертвоприношений и находящей ей оправдание.

В связи с этим исключительный интерес представляет идея о так называемых мировых периодах, или Солнцах, имеющая в рамках древнемексиканской идеологии как религиозно-мифологическое, так, возможно, и историческое объяснение. Суть ее для древнего мексиканца состояла в том, что мир не является раз и навсегда сотворенным, а, напротив, он пережил ряд эпох, неизменно заканчивающихся через определенный период катастрофами, приводящими к гибели всего живого. Согласно большинству источников, число этих мировых эпох или эр равнялось пяти: четыре доисторические эпохи предшествовали пятой, в которой жили ацтеки. Каждая из этих эпох имела свое население, которое согревало «собственное» Солнце. Хотя и известны варианты, когда некоторое количество людей переживало бедствия, но это не меняло существа представлений: после каждой катастрофы происходит полное обновление мира.

Однако почему же погибли все четыре предыдущих Солнца? В текстах нет развернутых объяснений причины этих мировых катаклизмов, что может объясняться как неосведомленностью в этом вопросе информаторов, так и просто недостаточно подробным изложением в исторических хрониках. Между тем можно попытаться свести разрозненные сведения в один сюжет, сопоставив сохранившиеся письменные свидетельства и изображения некоторых памятников древнеацтекского искусства. К их числу принадлежит, например, выдающийся образец древнемексиканского монументального искусства — «Камень Солнца», или «Календарный Камень»¹. Здесь воспроизведен менее известный памятник древнемексиканской космографии, так называемый «Календарный Камень» из Музея Йельского университета (США) (рис. 1)². Знаки,

¹ О нем см. *Р. В. Кинжалов*. Искусство племен нахуа.— «Сб. МАЭ», т. XXI, М.— Л. 1963.

² *G. G. MacCurdy*. An Aztec «Calendar stone» in Yale University.— «American Anthropologist», v. 12, № 4, 1910, p. 481—496.

изображенные на его поверхности, отражают названия пяти мировых эпох, или Солнц (с правого верхнего знака по часовой стрелке): «4. вода», «4. дождь», «4. ветер», «4. ягуар»; в центре изображен стилизованный солнечный диск со знаком «движение» внутри — символом пятого, современного Солнца.

Рис. 1. «Календарный камень» из Музея Иельского университета

Какое же объяснение могли дать этим катастрофам ацтекские мудрецы-жрецы? Если говорить о религиозно-мифологическом значении этой идеи, то следует вспомнить, хотя и несколько общий, ответ одного из исторических источников: люди погибали «по причине грехов, которые они совершали по отношению к богам»³. Все дело, видимо, заключается в том, что древние народы не осознавали, в какой взаимосвязи они находятся с миром и, следовательно, с Солнцем. Их жизнь была простым существованием, при котором они, пользуясь благами ее, не задумывались над тем, откуда они происходят, и не задумывались ни о своей судьбе, ни о своем предназначении. И это неведение якобы приводило к гибели и Солнца и людей. И только человечество пятого мирового периода, а среди них и ацтеки, «постигли» смысл происходящего. Они разгадали, что такое Солнце и что с ним должно быть связано. Согласно древне-мексиканским мифам, Солнце — это либо один из великих богов⁴, либо

³ «Histoire du Mexique». — «Journal de la Société des Américanistes de Paris», N. S., t. 2, № 1, 1905, ch. 6, p. 24.

⁴ Там же, гл. 8, с. 30; G. Mendieta. Historia eclesiástica indiana. México, 1. 2, 1870, cap. 2, p. 79—80.

сын великого божества ⁵, который бросился или был брошен в огонь, чтобы стать светилом для людей, живших во мраке после последнего сотворения. Создание последних также потребовало великой жертвы со стороны богов, ибо они пролили при этом свою божественную кровь, которой окропили созданные ими безжизненные модели двух человеческих существ. Таким образом, человек был всецело должником как богов, так и Солнца: божественной кровью рожденный и живущий, человек должен теперь расплачиваться с ними собственной кровью.

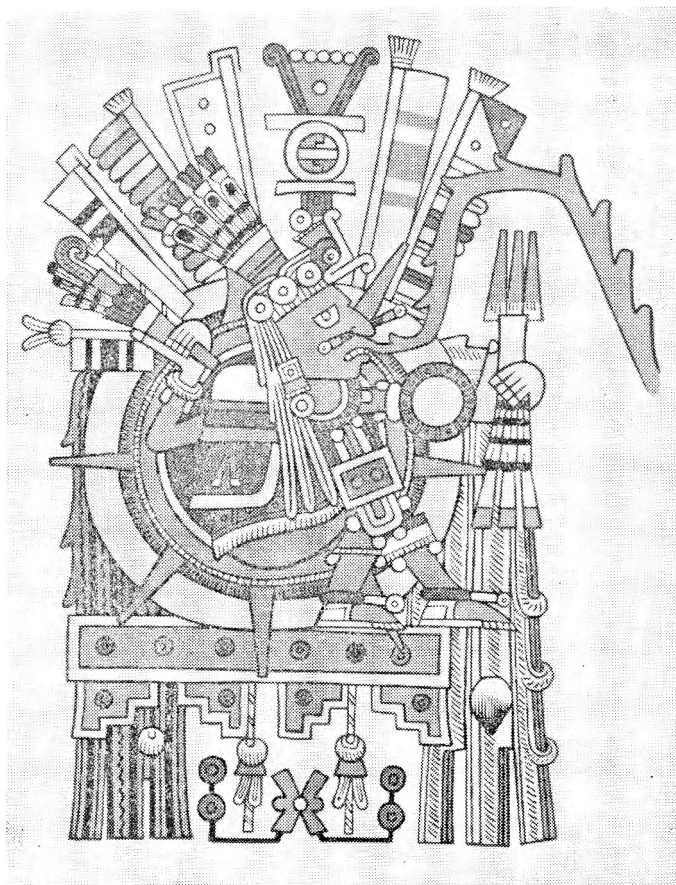

Рис. 2. Бог Солнца Тонатиу. Кодекс Боржа

Но фатальность, трагическая предопределенность судьбы мира сохраняется, так как человечество, даже ценой собственной крови, не в состоянии вечно поддерживать гармонию между богами и людьми, а тем более мировой порядок, который зависит только от воли божественных сил. Люди, живущие под пятым Солнцем и удачно отличающиеся от предыдущих ревностным почитанием богов, могут, однако, рассчитывать лишь на то, чтобы отдалить мировую катастрофу, которую, согласно подсчетам древних астрономов, нужно ждать по истечении каждого 52-летия в день «4. движение» года «2. тростник».

Таковыми или приблизительно такими могли быть рассуждения ацтекских жрецов на эту тему, которая была основой их военно-религиозной

⁵ «Historia de los mexicanos por sus pinturas». — «Nueva Colección de Documentos para la Historia de México», t. 3, México, 1891, p. 235, 236.

доктрины, призванной оправдать практику человеческих жертвоприношений. Однако в этой, уже достаточно стройной религиозно-мифологической системе, игравшей совершенно определенную идеологическую роль в обществе, отражена эволюция составляющих ее элементов, в частности представлений о самом Солнце.

В последнем варианте древнемексиканских пиктографических рукописей современное Солнце представлялось в образе бога Тонатлиу (рис. 2). Отягощенный множеством атрибутов, он восседает на небесном престоле, украшенном внизу датой «4. движение», и управляет миром⁶. Однако подобное представление о Солнце не всегда было таким, ему можно противопоставить более древние варианты. Сохранившиеся письменные источники и изобразительный материал помогают воссоздать некоторые этапы развития представления о Солнце и мировых эпохах в рамках древнемексиканской мифологии.

Согласно мифу, передаваемому известным индейским автором Ф. А. Иштлильшочитлем (1568—1648), однажды Солнце перестало двигаться, остановилось. Наступил долгий день, который нес людям гибель от горячих лучей. Восстановил движение солнечного светила москит, который укусил его за ногу⁷.

Эта легенда, конечно, очень древняя, имела хождение в народе и тогда, когда знаменем официальной идеологии было ранее упомянутое представление. И можно думать, что информация, полученная Иштлильшочитлем, исходила от рядового члена древнеацтекского общества. Наш автор не сообщает о данном факте больше никаких подробностей, по которым мы могли бы судить о том, кто же был Солнцем, облик какого существа оно имело. Но по законам мифа совсем необязательно, чтобы это было существо, похожее на то, что окружает человека. Просто Солнце, которое совершает свой путь по небу, имеет ноги или крылья, поскольку их имеет человек, животное и птица — иначе никак нельзя двигаться.

То, что Солнце не воспринималось в первоначальных мифологических системах ни как воплощение того или иного существа, ни как явление сверхъестественного свойства, во всяком случае в рамках представления о мировых эпохах, подтверждается тем фактом, что оно само во время одной из очередных катастроф было унесено ветром⁸. Совершенно очевидно, что в данном случае Солнце подчинялось всеобщему закону разрушения и обновления, который охватывал весь мир.

Однако мифологическое мышление не могло остановиться на этом уровне представления. Необходимо было найти тот источник, который служит причиной совершающихся катаклизмов, коль скоро они имеют место. В некоторой степени ответ на этот вопрос содержится в любопытной исторической хронике XVI в. «Истории мексиканцев по их рисункам». В ней смена Солнц, крушение миров связаны с единоборством двух главных мексиканских богов — Кецалькоатля и Тескатлипоки. Каждый из них, поочередно приобретая облик ягуара, изгоняет с солнечного престола своего соперника и занимает его место⁹. Хотя проблема мексиканских богов, их имен и взаимозаменяемости сложна и во многом еще неясна важен сам факт, что здесь Солнце связывается с ягуаром. Однако это совсем не значило, что для ацтеков солнце на небе — это ягуар. На небе блестящий диск, который светит, иначе — способствует жизни всего живущего. Безымянный автор «Истории мексиканцев по их рисункам»

⁶ «Codex Borgia» (ed. E. Kingsborough).— «Antiquities of Mexico», v. 3, London, 1831, pl. 44.

⁷ A. Ixtlilxochitl. Obras Históricas, t. 1, México, 1891, p. 13.

⁸ Там же, т. 1, с. 13; «Leyenda de los Soles».— «Códice Chimalpopoca». México, 1945, p. 119.

⁹ «Historia de los mexicanos por sus pinturas», p. 231—234.

сообщает, что Солнце мексиканцы рисуют, «изображают, как мы»¹⁰, а испанский хронист Д. Дуран (1538—1588) говорит о блестящем зеркале, которое представляет Солнце¹¹.

Следовательно, мы можем констатировать, что здесь проявляется, если можно так сказать, основной закон несоответствия, разноуровненности всех мифологических сюжетов: один и тот же объект повествования в различных мифах представляется различным образом. Явление, изображенное и решенное определенным образом в одном мифе, в другом может представляться совершенно по-иному. Именно поэтому так трудно даже как будто близкие мифологические мотивы выстроить один за другим, подчинить их законам формальной логики. Как раз это можно сказать относительно представления о Солнце в древнеацтекских мифах, которому, кроме всего прочего, иногда приписывался древнемексиканской религиозной мыслью облик божественного орла.

На следующем мифологическом уровне Солнце приобретает тот антропоморфный облик, который мы видим обычно в кодексах (рис. 2). Смена солнц происходит теперь не в результате борьбы животных, что было характерно для предыдущего сюжета, а в итоге противоборства главных божеств в антропоморфном облике. Этот вариант наглядно отражен и в так называемом Ватиканском кодексе 3738 А, где всем мировым эпохам покровительствуют именно такие боги¹².

Дальнейшее развитие представлений приводит к тому, что смена эпох превращается более или менее в следующую схему: перечисляются Солнца, называются произошедшие бедствия и указывается, когда катастрофа случилась или случится. Например, индейская историческая хроника XVI в. «Анналы Каутитлана» называет следующие даты древнемексиканского календаря, в которые якобы происходила гибель Солнц: «4. вода», «4. дождь», «4. ягуар», «4. ветер» и, наконец, «4. движение», день, когда должно было произойти крушение пятого Солнца, под которым жили ацтеки и современные им народы. В соответствии с характером календарных дат мировые периоды называются «Солнце воды», «Солнце ягуара» и т. д. (рис. 1)¹³. Что касается богов-покровителей, то в этом случае они не называются, хотя и не исключено, что подразумеваются. Тем не менее данный вариант имеет уже чрезвычайно тесную связь с календарем, этим выдающимся явлением древнемексиканского мира. Последнее обстоятельство позволяет считать легенду о Солнцах из «Анналов Каутитлана» одним из первых обобщений ацтекских мудрецов относительно прошлого, настоящего и будущего мира. Впрочем, об этом более подробно будет сказано ниже, сейчас же важно лишь подчеркнуть, что рациональное толкование мифа здесь налицо, ибо, например, в Ватиканском кодексе даты гибели миров не столь единообразны: «10. вода», «9. движение» и т. п.

Следует сказать, что идея о неустойчивости мира и смене эпох была широко распространена во всем мире, ибо сама природа толкала человеческий ум на подобного рода творчество. В нем нашли отражение как картины различных природных явлений, так и, конечно, вечная проблема жизни и смерти в их неразрывной связи. Природный фактор оказывал, безусловно, решающее влияние на формирование картин этих грандиозных бедствий, хотя не обходилось и без фантастического воображения, без которого мифологическое мышление невозможно.

Однако почему же именно у мексиканцев, ацтеков идея смены эпох стала одной из самых важных идеологических установок, несущей в себе зачатки исторической теории и системы, как будет показано в дальней-

¹⁰ Там же, с. 231.

¹¹ D. Duran. The history of Indies of New Spain. N. Y., 1964, ch. 28, p. 140.

¹² «Codex Vaticanus 3738 A» (ed. E. Kingsborough).— «Antiquities of Mexico», v. 2, pl. 7—10; v. 6, p. 172—175.

¹³ «Anales de Cuauhtitlán».— «Códice Chimalpopoca», p. 4, 5.

шем? Почему она не стала, как, например, у майя или инков, важным, но не ведущим мифологическим сюжетом? Видимо, природный фактор дополнялся более важными моментами жизни народа. И действительно, условия жизни древних мексиканцев способствовали сохранению и развитию представления о мировых эпохах.

Известно, что историю Центральной Америки составляет постоянная, во всяком случае до ацтеков, смена культурных центров и цивилизаций. Этот центральноамериканский «котел» создавал и поглощал блестящие культуры, которые сменяли друг друга как в калейдоскопе. Погибая, они передавали свои высшие достижения пришедшим им на смену культурам. В результате этого создавалась почти непрерывная линия культурного и исторического развития. Именно благодаря последнему обстоятельству стало возможным сравнительно быстрое превращение ацтеков из варварского племени в этническое объединение государственного типа.

Само собой разумеется, что вся эта далекая и близкая история не могла не оставить следа в памяти более поздних народов, хотя и сохранялась она порой в мифах и легендах. Несомненно, что и ацтеки, одни из самых поздних поселенцев древней Мексики, не могли не иметь некоторого представления о произошедших исторических событиях, о чем и свидетельствует рассматриваемое представление о мировых эпохах. В понятии об этих мирах и отражено стремление древних мексиканцев найти место смутному прошлому. А то, что это было осуществлено в форме представлений о Солнцах, или мировых эрах, решающим образом зависело от календаря.

Действительно, даже самое общее описание календаря подтверждает его поразительное созвучие с этим представлением, выполняющим в древнемексиканском обществе важнейшую идеологическую роль.

Основной разнообразных календарных подсчетов были три календаря: 260-дневный ритуальный и 365-дневный солнечный год. Учитывался при астрономических вычислениях и год обращения Венеры, составляющий около 584 дня. Эти исходные данные служили для различных циклических вычислений: 5-, 13- и 65-летний циклы Венеры, 4-, 13-, 52- и 104-летний солнечные циклы, 76- и 146-летний циклы ритуального 260-дневного года. Как раз по истечении каждого из названных циклов эти три календаря, действующие самостоятельно, определенным образом соотносились. Впрочем, не исключается, что и другие звезды принимались во внимание древнемексиканской астрономией и астрологией¹⁴.

Поскольку значение календарных подсчетов было, видимо, исключительно велико, оно не могло не оказать влияния на формирование представлений древнемексиканских народов о прошлом и настоящем как человеческого рода, так и мира вообще. Эта календарная «решетка» накладывалась на историю, закрепляя тот или иной исторический факт за тем или иным циклом. Однако ввиду того, что в реальной жизни и практике жрецы обходились, как известно, 52-летним солнечным циклом, по истечении которого счет начинался заново, история прошедшего 52-летия и еще более ранних циклов ускользала за рамки строгого исторического следования событий, ибо следующий цикл был абсолютным близнецом предыдущего. В результате всего этого получались островки самостоятельных 52-летних историй, которые чем дальше в глубь веков, тем легче можно было переставить местами и, следовательно, спутать исторические события. Таким образом, 52-летний календарь мексиканских жрецов для потребностей хронологии оказался не совсем пригодным. Именно его несовершенство приводило к тому, что в своих исторических построениях мудрецы были вынуждены, сохраняя идею цикличности, характерную для их календаря, представлять себе прошлое и настоящее мира в виде периодов, насчитывающих сотни и тысячи лет. Хотя даже в названных

¹⁴ R. Noriega. Estudios sobre la Piedra del Sol. México, 1954.

здесь немногих источниках продолжительность мировых периодов указана различной, вероятнее всего, что в официальном варианте она была строго определенной и тем более одной для всех периодов.

Почему этих мировых эпох было пять, считая текущую? Возможно, древние ацтеки сохранили воспоминание именно о таком числе праздников Нового огня, отмечавшихся каждое 52-летие.

Почему каждая из эпох имела своего бога-покровителя? Потому, что по правилам древнемексиканского календаря, его имел даже час, день, неделя и каждый месяц года.

Конечно, на практике представление о Солнце и мировых периодах не было таким рафинированным. В реальной, ушедшей в прошлое мифологии и идеологии древней Мексики все изложенные идеи сосуществовали и, видимо, каждый из вариантов вспоминался в каждом подходящем случае. И хотя описанный выше календарь использовался также и майя, да и сама идея мировых Солнц не являлась собственно ацтекской, поскольку приписывается их блестящим предшественникам тольтекам, тем не менее в таком виде науке она стала известна благодаря ацтекам. Во-первых, потому, что ко времени Конкисты они были носителями наиболее высокоорганизованных общественных форм в древней Мексике. Во-вторых, потому, что идея мировых эпох, созвучная их экспансионистским настроениям и культу, как уже неоднократно упоминалось, оправдывала любое их кровавое действие как необходимое для поддержания и продолжения жизни пятого Солнца. Однако представленный здесь, хотя и неполный, анализ представления древних мексиканцев о Солнце и мировых эпохах показывает, что оно служило не только для выражения военно-религиозных идей, но и использовалось ими в качестве основания для первых теоретических заключений исторического характера¹⁵.

¹⁵ Из монографических работ и статей, касающихся рассматриваемых здесь вопросов, можно назвать лишь некоторые: *М. Леон-Портилья*. *Философия нагуа*. М., 1961; *L. Boturini Benaduci*. *Idea de una nueva Historia General de la América Septentrional*. Madrid, 1747; *A. Humboldt*. *Vues des Cordillères et monuments des peuples indigènes de l'Amérique*, t. 2, Paris, 1816, p. 118—136; *M. Orozco y Berra*. *Historia antigua y de la Conquista de México*, t. 1, México, 1880, cap. 1; *A. Chavero*. *Historia antigua y de la Conquista*. México, 1940, cap. 1, 2; *E. Seler*. *Mythus und Religion der alten Mexikaner*.—«*Gesamte Abhandlungen zur Amerikanischer Sprach- und Altertumskunde*», B. 4, Wien, 1961; *A. Caso*. *The Aztecs, people of the Sun*. London, 1959; *J. Soustelle*. *La pensée cosmologique des anciens mexicains*. Paris, 1940; *J. Nicholson*. *Mexican and Central American mythology*. London, 1967; *A. D. Smets*. *Fins du Mond successives*. Essai d'interprétation culturelle.—«35 Congreso Internacional de Americanistas», v. 2. México, 1964; *S. Marti*. *Simbolismo de los colores, deidades, números y rumbos*.—«*Estudios de la cultura Nahuatl*», t. 2. México, 1960; *W. Elzey*. *The Nahua myths of the Sun: history and cosmology in pre-Hispanic Mexican religions*, «*Numen*», 1976, v. 23, № 2; *L. Sejour*. *Burning water. Thought and religion in ancient México*, N. Y., 1957; *M. F. E. Veytia*. (филиал в Тобольске) — ГАТОН, ф. 156, оп. 20, № 702.